

А.И. Алиева*

ТУРЕЦКАЯ ПОМОЩЬ ИРАКУ ПОСЛЕ 2014 Г.: ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И КОМПОНЕНТЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В 2010-е годы влияние Турецкой Республики на положение дел в арабском мире существенно возросло на фоне общей дестабилизации обстановки в регионе Ближнего и Среднего Востока и начала вооруженных конфликтов сразу в нескольких странах, входящих в зону особых интересов Анкары. Определенным водоразделом стало провозглашение «Исламского государства» («ИГ») на территории сопредельных с Турцией Сирии и Ирака. Если турецкая стратегия на сирийском направлении вызвала большой интерес у исследователей, то ее политика в отношении Ирака, где она также весьма активно применяла как военные, так и невоенные методы, оказалась незаслуженно обделена вниманием экспертного сообщества. Цель статьи — раскрыть логику оказания Турцией помощи Ираку в сдерживании и ликвидации последствий территориальной экспансии «ИГ». Статья разбита на две части. В первой рассмотрено военно-политическое взаимодействие Турецкой Республики с Ираком после 2014 г., во второй — специфика ее политики по оказанию соседней стране невоенной помощи. Сделан вывод о том, что турецкая силовая поддержка Багдада в борьбе с «ИГ» сопровождалась масштабным расширением присутствия ее воинских контингентов в сопредельном государстве и продолжением вооруженного конфликта с Рабочей партией Курдистана. Это в свою очередь вызывало обострение разногласий с политическим руководством Ирака. В гражданской сфере Турция делала акцент на гуманитарной составляющей, реализуя сравнительно небольшие проекты — преимущественно в ареале проживания иракских туркоманов. После провозглашения победы над «ИГ» Анкара не спешит наращивать объемы безвозмездной помощи, которые остаются в целом незначительными, а пытается создать усло-

* *Алиева Алтунай Илгар кызы* — младший научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ (e-mail: altunay.i.aliyeva@gmail.com).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-37-01018-ОГН.

вия для привлечения турецких компаний из развитого строительного сектора к восстановлению разрушенных объектов инфраструктуры в Ираке, в том числе с помощью механизма «связанных» кредитов. Таким образом, в условиях интернационализированного внутреннего конфликта и после его формального завершения Турция продемонстрировала желание поставить во главу угла свои национальные интересы, рассчитывая на то, что сочетание военных и невоенных методов поддержки позволит ей упрочить свои стратегические и экономические позиции в соседней стране. Однако очередной раунд дестабилизации обстановки в Ираке и вокруг него, начавшийся осенью 2019 г., создает для реализации иракской стратегии Анкары новые риски, требующие продолжения мониторинга динамики развития отношений между соседними государствами.

Ключевые слова: Турция, Ирак, «Исламское государство», противодействие терроризму, содействие международному развитию, внешняя помощь, гуманитарная помощь, постконфликтное восстановление, военная помощь, помощь в области безопасности, укрепление государственности, туркоманы.

Характерной тенденцией развития международной обстановки на Ближнем Востоке в 2010-е годы стало многократное усиление роли региональных акторов. На их фоне особенно выделилась Турецкая Республика. В результате глубинных изменений во внешней политике Анкары, начавшихся с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР), регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) превратился чуть ли не в главную зону политической, экономической и военной активности современной Турции. Несомненно, наибольшее внимание в политическом и академическом дискурсе последних лет привлекали к себе ее действия в стране, в которой до сих пор продолжается вооруженный конфликт, — Сирии. Однако на еще одном — иракском — направлении активность Турции также обрела весьма значимые (и по ряду параметров превосходящие объемы вовлечения большинства внерегиональных акторов) масштабы.

Предпосылки к усилению турецкого влияния в Ираке возникли еще в 2003 г., после свержения Саддама Хусейна «коалицией желающих» во главе с США. Инженеры «сменорежимного» проекта легко разрушили прежнюю иракскую государственность, но не сумели заменить ее новой [Наумкин, 2015: 74]. Вовлечение Турции в дела Ирака уже тогда стало одним из направлений региональной

политики ПСР [см.: Altunışık, 2007; Charountaki, 2012; Gözkaman, 2013; Akın Ünver, 2015; Erkmen, 2015; Кудряшова, 2010] и обрело новое обоснование и новое качество после того, как Ирак, не успев оправиться от последствий американской интервенции, вновь превратился в арену крупного вооруженного конфликта.

Его причиной стала территориальная экспансия террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» («ИГИЛ»)¹, которая возникла в Ираке в скором времени после свержения режима С. Хусейна и долгие годы аккумулировала свои силы. В июне 2014 г. в течение месяца боевикам удалось взять под свой контроль несколько крупных иракских городов, включая Мосул и Тикрит, и даже вплотную подойти к Багдаду. Лидер «ИГИЛ» провозгласил создание халифата, а сама группировка стала называться просто «Исламское государство» («ИГ»). Справиться с этой угрозой самостоятельно Ирак не мог и рассчитывал на поддержку мирового сообщества. Турция стала одной из тех стран, которая ее предоставила.

Речь шла как о военной, так и о невоенной помощи, в которой Ирак нуждался зачастую в не меньшей степени. Насилие, учиненное боевиками «ИГ», унесло жизни тысяч иракцев, а более 5 млн человек вынудило покинуть свои дома и искать убежище в более безопасных районах страны и в соседних государствах; значительное число объектов жилищного фонда, транспортной инфраструктуры, социального обеспечения было разрушено. К концу 2017 г. Ираку удалось одержать победу над «ИГ», но стране требовались огромные средства на восстановление экономики, и Турция продемонстрировала готовность внести значимый вклад в этот процесс — наибольший в числовом выражении [Восстановление Ирака..., 2018: 167–171].

В российской литературе тема взаимоотношений Турции и Ирака в целом пользуется несравненно меньшим вниманием у исследователей, чем проблематика вовлеченности Анкары в сирийский конфликт [см., например: Фролов, 2015; Гаджиев, 2017; Ахмедов, 2019]. Тем не менее уже сформировался определенный пласт трудов, затрагивающих как непосредственно двусторонние связи [Иванова, 2017], так и эволюцию антитеррористической стратегии Турции на Ближнем Востоке [Иванова, 2015; Свистунова, 2015; Аватков, 2017; Румачик,

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Сучков, 2018], частью реализации которой стали действия Анкары в Ираке. Поскольку стержнем многогранной иракской стратегии Турецкой Республики остаются курдская проблема и борьба Турции с Рабочей партией Курдистана (РПК)², этот сюжет зачастую доминирует в российской библиографии [см., например: Кудряшова, 2010, 2014; Вертяев, 2015; Вертяев, Иванов, 2015; Иванов, 2015; Вершинина, 2016]. В то же время тематика оказания Турцией содействия Ираку в гуманитарной и экономической сферах остается крайне малоизученной. Вкупе с отсутствием исследований, затрагивающих как этап активной фазы противостояния с «ИГ» в Ираке, так и период постконфликтного восстановления страны, это обозначает исследовательскую нишу, заполнить которую призвана данная статья.

Автор ставит цель раскрыть логику оказания Турцией помощи Ираку в сдерживании и ликвидации последствий территориальной экспансии «ИГ». Основная задача заключается в том, чтобы понять, как была выстроена соответствующая политика Анкары в условиях интернационализированного внутреннего конфликта и после его формального завершения — провозглашения победы над «ИГ» и начала периода постконфликтного восстановления. Это, среди прочего, позволит внести вклад в дальнейшую разработку проблематики управления рисками при оказании помощи «хрупким государствам». Одной из ключевых задач при этом должен стать «сбор максимально подробных данных о деятельности нетрадиционных доноров» [Бартнев, 2018: 20], к числу которых относится и Турция.

В структурном плане статья состоит из двух крупных блоков. Первый посвящен анализу аспектов военного и политического сотрудничества Турции и Ирака после 2014 г., второй — рассмотрению динамики двустороннего взаимодействия в гуманитарной и экономической областях.

Помощь в области безопасности

Стремительное усложнение военно-политической ситуации в Ираке летом 2014 г. заставило соседнюю Турцию мобилизоваться. Вступать в созданную США международную коалицию по противо-

² Рабочая партия Курдистана (РПК) — запрещенная в Турецкой Республике и ряде стран курдская военная и политическая организация, провозглашающая своей целью образование автономии курдов в составе турецкого государства. Столкновения РПК с вооруженными силами Турции, власти которой опасаются создания независимого курдского государства на своей территории, начались в середине 1980-х годов.

действию «ИГ», состоявшую из 60 стран, она отказалась, но в октябре 2014 г. турецкий парламент предоставил правительству страны разрешение на осуществление наземной операции на территории Сирии и Ирака в случае возникновения угрозы со стороны «ИГ» и РПК. Мандат был выдан сроком на 1 год с возможностью продления³. Следующим шагом стало увеличение объемов помощи Ираку в области безопасности, в частности обучение и боевая подготовка иракских военнослужащих офицерами сил специального назначения при Генеральном штабе Вооруженных сил Турции, более известными как «бордовые береты». Первыми бенефициарами турецкой помощи были отряды пешмерга — вооруженного курдского ополчения, выполняющего функции одновременно и армии, и полиции. Их обучение началось в ноябре 2014 г., и за первые 6 месяцев подготовку успели пройти 1500 курдских бойцов, в том числе 80-я дивизия под командованием Демократической партии Курдистана. Военную помощь от Турции получили суннитские подразделения «Стражи Найнавы», возглавляемые бывшим губернатором одноименной провинции Атилем ан-Нуджейфи⁴. Подготовку также проходили езиды, арабы-шииты, христиане, иракские туркоманы⁵. Тренировочные лагеря один за другим появлялись близ Эрбиля, Дохука, Киркука и в других провинциях Ирака, и Турция сыграла в их создании не последнюю роль.

Вскоре техническая помощь иракской армии и пешмерга дополнилась собственно военной. В феврале 2015 г. МИД Турции подтвердил готовность оказать Ираку силовую поддержку в борьбе с «ИГ». В марте Анкара провела интенсивные переговоры с Багдадом и Эрбилем относительно совместных действий против террористов. Тогда же в Ирак были направлены два грузовых самолета с военной помощью на борту, которая была передана в Министерство обороны страны накануне визита министра национальной обороны

³ В отношении Ирака турецкое правительство запрашивало такой мандат в борьбе с РПК начиная с 2007 г. Подобное разрешение по Сирии также стало выдаваться ежегодно с 2012 г. В октябре 2014 г. два документа («мандата») были объединены в один.

⁴ См.: Derszi-Horvath A., Gaston E., Saleh B. Who's who: Quick facts about local and sub-state forces // Global Public Policy Institute. 16.08.2017. Available at: <https://www.gppi.net/2017/08/16/quick-facts-about-local-and-sub-state-forces> (accessed: 23.10.2019).

⁵ Hasasu C. Türkmenler silahlaniyor // Aljazeera Turk. 09.04.2015. Available at: <http://www.aljazeera.com.tr/al-jazeera-ozel/turkmenler-silahlaniyor> (accessed: 14.08.2019).

Турции Исмета Йылмаза в Багдад и Эрбиль⁶. Турецкий политик встретился с руководителями центрального правительства Ирака и Регионального правительства Курдистана, а также с губернатором Мосула А. ан-Нуджейфи и представителями «Фронта иракских туркоманов». Переговоры охватили вопросы противодействия «ИГ» и перспективы участия Анкары в операции по освобождению оккупированного Мосула⁷. С турецкой стороны было дано обещание расширить программу обучения и тренировки правительственных сил Ирака и местных суннитских группировок. «Мы решили предоставить иракской армии, пешмерга и суннитам поддержку в подготовке и вооружении [местных военных. — А.А.], в области разведки и логистики», — заявил И. Йылмаз после своей поездки в Ирак⁸. Предполагалось, что и в Ираке Турция будет бороться с «ИГ» так же, как она это делала на тот момент в Сирии, — дистанционно, не вступая в международную коалицию.

Однако уже летом 2015 г. турецкому руководству пришлось изменить свой подход к противодействию «ИГ». После серии терактов и нападений на турецких военнослужащих на юге Турции правительство страны объявило о разворачивании на севере Сирии и Ирака борьбы сразу против двух группировок — «ИГ» и РПК⁹. Анкара согласилась предоставить США и возглавляемой ими коалиции против «ИГ» доступ к авиабазе Инджирлик для ведения военных операций, но присоединяться к международным силам вновь отказалась.

После трагических событий лета 2015 г. Турция продолжила обучать и оснащать вооруженные силы Ирака, но делала это уже из со-

⁶ Türkiye'nin askeri yardım uçağı Bağdat'a ulaştı // Yeni Şafak. 03.03.2015. Available at: <https://www.yenisafak.com/dunya/turkiyenin-askeri-yardim-ucagi-bagdata-ulasi-2090827> (accessed: 17.11.2019).

⁷ İsmet Yılmaz Barzani ile buluştu // Aljazeera Turk. 05.03.2015. Available at: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/ismet-yilmaz-barzani-ile-bulustu> (accessed: 09.11.2019).

⁸ Erkuş S. Turkey extends military training to local Sunni forces and Iraqi army // Hürriyet Daily News. 11.03.2015. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-extends-military-training-to-local-sunni-forces-and-iraqi-army-79477> (accessed: 15.11.2019).

⁹ После трех десятилетий вооруженной борьбы ПСР пошла по пути мирного урегулирования конфликта с РПК. 21 марта 2013 г. ее основатель и лидер Абдулла Оджалан, с 1999 г. отбывающий пожизненное заключение в Турции, призвал курдов прекратить противостояние с турецкими властями и начать мирные переговоры по урегулированию конфликта. Летом 2015 г. после серии терактов, ответственность за которые на себя взяла РПК, мирные переговоры с курдами были прекращены.

ображений не только военной помощи соседней стране, но и защиты собственной безопасности. В марте 2015 г. начал функционировать еще один тренировочный лагерь в пригороде Мосула — в Башике. Анкара развернула там свою группировку, бронетехнику и артиллерию, объяснив это необходимостью обеспечения безопасности турецких инструкторов. С момента создания этого лагеря к концу 2015 г. обучение успели пройти более 5000 человек¹⁰. За короткий срок лагерь в Башике превратился в одну из наиболее крупных военных баз Турции на территории Ирака.

Однако турецкое руководство столкнулось с «классической» проблемой, когда помощь внешних игроков начинает восприниматься в штыки внутренними акторами, апеллирующими к защите суверенитета государства¹¹. В конце 2015 г. вопрос о присутствии турецкого контингента стал предметом острых споров между Турцией и Ираком¹² [Holland-McCowan, 2017: 14–15; Mizrak, 2017]. В Багдаде полагали, что переброской своих вооруженных сил на базу в Башике Анкара нарушила суверенитет их страны. Иракские центральные власти обратились с жалобой в Совет Безопасности ООН. И только оказавшись под международным давлением, 14 декабря Турция частично вывела своих военных из лагеря. Спустя несколько дней боевики «ИГ» совершили нападение на базу в Башике, ранив четверых турецких военнослужащих и убив одного иракского офицера¹³. Данная террористическая атака стала для Анкары веским аргументом в споре с Багдадом о сохранении своего присутствия на иракской территории.

Кризис вокруг статуса лагеря в Башике продолжался и в 2016 г. Лишь в январе 2017 г. во время визита премьер-министра Турецкой Республики Бинали Йылдырыма в Багдад стороны договорились урегулировать этот вопрос путем консультаций. На состоявшемся

¹⁰ Rengin A. Türkiye Başika'da ne yapıyor? // BBC Türkçe. 18.12.2015. Available at: https://www.bbc.com/turkce/haberler/2015/12/151218_irak_basika_musul (accessed: 23.10.2019).

¹¹ Development Assistance Committee. DAC Guidelines on conflict, peace and development co-operation. Paris: OECD, 1997. P. 17.

¹² Semin A. Başika krizi ve Türkiye-İrak ilişkilerinin geleceği. BILGESAM Analiz — Orta Doğu. No. 1275. İstanbul: Bilge Adamlar Stratejik Araştırmalar Merkezi, 2015. S. 4–7.

¹³ Arap Birliği'nden Başika kınaması // Aljazeera Turk. 24.12.2015. Available at: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/arap-birliginden-basika-kinamasi> (accessed: 20.10.2019).

тогда же третьем заседании Совета стратегического сотрудничества высокого уровня¹⁴ представители обеих стран заявили об уважении территориальной целостности и суверенитета друг друга и о продолжении двустороннего взаимодействия в борьбе с терроризмом. Турция объявила о своем намерении вывести войска после полной ликвидации «ИГ» на территории Ирака¹⁵. Эта встреча глав правительств двух государств стала важным этапом в процессе нормализации двусторонних отношений.

Однако ключевую роль катализатора сближения Анкары и Багдада сыграли совсем другие события. В сентябре 2017 г. состоялся инициированный Региональным правительством Курдистана референдум о независимости. Ирак отказался признавать его результаты, после чего последовали ограничительные меры в отношении курдской автономии: с ней были приостановлены все финансовые операции и международное авиасообщение. Большим ударом для иракских курдов стала потеря контроля над городом Киркуком — столицей одноименной нефтеносной провинции¹⁶. В знак солидарности с Багдадом Анкара ограничила перемещение через контрольно-пропускной пункт «Хабур» на турецко-иракской границе¹⁷. Руководство Турции также сообщило о сворачивании кампании по обучению отрядов пешмерга. «Отныне мы будем рассматривать только центральное правительство в Багдаде в качестве легитимной стороны в переговорах, а не Региональное правительство Курдистана

¹⁴ Совет стратегического сотрудничества высокого уровня (High Level Strategic Cooperation Council, HLSC) был создан в июле 2008 г. в качестве нового механизма межгосударственного взаимодействия. Его работа была направлена на укрепление двусторонних контактов по широкому кругу вопросов и совместных проектов. Первая встреча Совета состоялась в Багдаде в октябре 2009 г., в ходе которой было подписано 48 меморандумов о взаимопонимании.

¹⁵ Turkish FM to visit Iraq to further consolidate ties with new administration // *Hürriyet Daily News*. 10.10.2018. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkish-fm-to-pay-2-day-visit-to-iraq-137714> (accessed: 17.07.2019).

¹⁶ Долгие годы контроль над нефтепроводом и маршрутом осуществляли отряды пешмерга. Иракская нефть доставлялась по самому большому трубопроводу, соединяющему месторождение Киркук с турецким транзитным терминалом в Джейхане и портовым городом Юмурталыком.

¹⁷ Контрольно-пропускной пункт был закрыт для всех видов транспорта, въезжающего из курдской автономии Ирака на турецкую территорию, но проезд в обратную сторону продолжал работать в обычном режиме.

в Эрбиле», — объявил премьер-министр Турции Б. Йылдырым после курдского референдума¹⁸.

Иракское руководство продолжило укреплять свою власть на территории всей страны. 9 декабря 2017 г., спустя три с половиной года после захвата боевиками «ИГИЛ» значительных территорий на западе и севере Ирака, премьер-министр страны Хайдер аль-Абади объявил об окончательной победе над джихадистами. Это ознаменовало формальный переход к фазе постконфликтного восстановления [Восстановление Ирака..., 2018: 146].

События второй половины 2017 г. создали благоприятные условия для укрепления взаимоотношений турецкого правительства с центральными властями Ирака. Почти сразу после объявления о победе над «ИГ» из Багдада стали поступать предложения о сотрудничестве. Так, в феврале 2018 г. иракские власти предложили турецким фирмам совместно строить новый участок нефтепровода Киркук–Джейхан¹⁹. Турецкая сторона оказалась весьма заинтересована в реализации данного проекта и поэтому поспешила наладить отношения с Региональным правительством Курдистана. Уже в марте 2018 г. было возобновлено авиасообщение между Турцией и курдской автономией. Наконец, после многомесячных переговоров Багдад и Эрбиль в ноябре того же года пришли к согласию о возобновлении экспорта нефти с месторождений в Киркуке в порт Джейхан. Компромиссное решение по нефтяному вопросу создавало условия для сотрудничества не только Багдада и Эрбиля, но также их обоих с общим партнером — Анкарой. Поставки иракской нефти на мировые рынки через Турцию в рамках трехстороннего партнерства обещали больше перспектив для экономического развития, нежели сохранение ограничительных мер и санкций в отношении Эрбиля.

В 2018 г. Турецкая Республика продолжала расширять свое военное присутствие в Ираке. По неофициальным данным, к концу года она имела уже 4 разведывательных центра и 15 военных баз

¹⁸ Turkish FM to visit Iraq to further consolidate ties with new administration // *Hürriyet Daily News*. 10.10.2018. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkish-fm-to-pay-2-day-visit-to-iraq-137714> (accessed: 17.07.2019).

¹⁹ Irak hükümetinden Türk şirketlere boru hattı daveti // *HaberTurk*. 12.02.2018. Available at: <https://www.haberturk.com/irak-hukümetinden-turk-sirketlere-boru-hatti-daveti-1833852-ekonomi> (accessed: 14.10.2019).

на территории Северного Ирака²⁰. При этом из информации, доступной в открытых источниках, невозможно установить их точное местонахождение и количество [Özgen, 2019: 396]. То же касается и численности турецких военнослужащих. По разным оценкам, в начале 2018 г. в Ираке были дислоцированы около 2,5 тыс. турецких военных²¹. В Анкаре сохранение столь многочисленного контингента на территории соседнего государства объясняли тем, что борьба с терроризмом там не была завершена. Министерство обороны Турции заявляло о присутствии на севере Ирака баз РПК и необходимости их полной ликвидации. Уже в марте 2018 г. турецкие войска начали наступление в районе Синджара на северо-западе Ирака. В конце месяца боевики РПК покинули город, однако в Анкаре считали, что борьба с группировкой на этом не заканчивалась. В мае президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган пообещал, что его страна «продолжит операции в регионе до тех пор, пока не будет уничтожен последний террорист на пространстве от Айн-эль-Араба до Хасеке, от Синджара до Кандиля»²². В июне того же года турецкие войска начали контртеррористическую операцию в иракском Кандиле, где были расположены лагеря и опорные пункты РПК. За короткое время турецкая армия продвинулась вглубь Ирака на десятки километров. Таким образом, Турция добилась значительного прогресса в вопросе обеспечения собственной безопасности: ей удалось частично локализовать угрозу со стороны РПК.

Однако напряженная обстановка в Ираке и риски, связанные с дестабилизацией внутривосточной ситуации, не могли не вызывать беспокойство турецкой общественности и руководства. С конца весны 2018 г. в Ираке стремительно стал набирать обороты кризис политической власти. После парламентских выборов, прошедших в мае, страна оказалась на грани гражданской войны. Президент Фуад Масум объявил о роспуске законодательного органа. На пять

²⁰ Dünyadaki Türk askeri üsleri ve yurt dışındaki asker sayısı // Stratejik Ortak. 03.09.2018. Available at: <https://www.stratejikortak.com/2018/09/yurtdisi-turk-askeri-usleri.html> (accessed: 25.10.2019).

²¹ Например: Kaya I., Yeşilduman E. Türkiye osmanlı topraklarına geri dönüyor // Yeni Şafak. 03.01.2018. Available at: <https://www.yenisafak.com/gundem/turkiye-osmanli-topraklarina-geri-donuyor-2951575> (accessed: 09.10.2019).

²² Cumhurbaşkanı Erdoğan Ak Parti'nin seçim manifestosunu açıklıyor // Timeturk. 06.05.2018. Available at: <https://www.timeturk.com/cumhurbaskani-erdogan-ak-parti-nin-secim-manifestosunu-acikliyor-canli/haber-893361> (accessed: 29.11.2019).

месяцев в Ираке воцарилось политическое безвременье. И только в октябре депутаты Совета представителей Ирака (нижней палаты парламента) сумели избрать Бархама Салеха от Патриотического союза Курдистана (ПСК) новым главой государства. В свою очередь избранный президент назначил премьер-министром Адила Абдель Махди, шиита. Консенсус относительно распределения властных полномочий ознаменовал формирование нового внутривластного баланса сил в стране²³. В Анкаре поспешили наладить диалог с новыми лидерами Ирака. Спустя несколько дней после избрания Бархама Салеха министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в Багдаде встретился с новыми руководителями и представителями ведущих политических сил соседнего государства. Глава турецкого МИД подчеркнул, что Анкара выступает за сохранение территориальной целостности и стабильность Ирака, и выразил надежду на укрепление турецко-иракских отношений на новом этапе²⁴.

Вопреки своей риторике Турция, однако, не скрывала настороженного отношения к новым тенденциям в политической жизни Ирака. В Анкаре считали, что Багдад не обладает мощным влиянием и властью, достаточной для стабилизации обстановки в стране. В декабре 2018 г. Министерство иностранных дел Турецкой Республики официально заявило, что вопреки «многочисленным напоминаниям» иракскому правительству о его «обязанностях по предотвращению деятельности террористической организации РПК» власти соседнего государства не справились с этой задачей. Действия турецкой армии против этой группировки на иракской территории объяснялись правом страны на самооборону, прописанным в ст. 51 Устава ООН²⁵. Таким образом, руководство Турции

²³ После свержения С. Хусейна в Ираке был установлен негласный принцип представительства во власти, согласно которому пост президента страны занимает представитель курдской общины, главы правительства — шиитской, а спикером парламента назначается суннит.

²⁴ Foreign Minister Mevlüt Çavuşoğlu visited Iraq // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 11.10.2018. Available at: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-mevlut-cavusoglu-nun-irak-i-ziyareti-11-10-18_en.en.mfa (accessed: 19.07.2019).

²⁵ SC-78, 15 Aralık 2018, Dışişleri Bakanlığı sözcüsü Hami Aksoy'un TSK'nın Irak topraklarındaki PKK unsurlarına karşı düzenlediği operasyonlar ve Bağdat büyükelçimizin Irak Dışişleri Bakanlığına çağırılması hakkındaki soruya cevabı // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 15.12.2018. Available at: http://www.mfa.gov.tr/sc_-78_-tsk-nin-irak-topraklarindaki-pkk-unsurlarina-karsi-duzenledigi-operasyonlar-hk-sc.tr.mfa (accessed: 07.09.2019).

доносило до властей Ирака мысль, что гарантий безопасности и отсутствия рисков и угроз со стороны РПК они ей предоставить не смогли.

В ходе визита иракского президента Б. Салеха в Турцию в январе 2019 г. лидеры двух стран согласились расширить взаимодействие в оборонной сфере и в области противодействия «ИГ» и РПК. Они выразили общее мнение относительно невозможности нахождения на территории Ирака подобных группировок. «Наша иракская политика основана на сохранении политического единства и территориальной целостности [Ирака. — А.А.], а также на обеспечении его стабильности и безопасности», — резюмировал президент Р.Т. Эрдоган²⁶. Вскоре Турция приступила к решительным действиям против сил РПК. В конце мая 2019 г. в районе Хакурк она развернула антитеррористическую операцию под названием «Лапа-1» (Pençe-1), в июле — «Лапа-2» (Pençe-2) на севере Ирака и в конце августа — «Лапа-3» (Pençe-3) в районе Синат-Хафтанин. Объясняя свои действия необходимостью защиты своих приграничных районов, осенью Турция продолжила наносить точечные удары по объектам РПК.

Однако военные успехи в борьбе с курдскими боевиками не могли гарантировать стабильность и безопасность в этих областях: в октябре на юге Ирака начались антиправительственные демонстрации. Манифестанты требовали улучшения качества жизни, решения проблем с безработицей и коррупцией, а также ослабления чрезмерного, по их мнению, влияния соседнего Ирана на внутреннюю политику страны. Народные демонстрации заканчивались столкновениями с полицией. В первый месяц погибли свыше 400 человек, тысячи протестующих получили ранения. В целях ослабления напряженности в обществе в конце ноября премьер-министр А. Абдель Махди подал в отставку, однако даже эта крайняя мера не положила конец внутренней дестабилизации в стране.

Почти сразу после начала антиправительственных демонстраций в Ираке, 5 октября 2019 г., была озвучена официальная позиция Анкары. Министерство иностранных дел Турецкой Республики призвало

²⁶ Our policy toward Iraq is based on preserving Iraq's political unity and territorial integrity // Presidency of the Republic of Turkey. 03.01.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/100408/-our-policy-toward-iraq-is-based-on-preserving-iraq-s-political-unity-and-territorial-integrity-> (accessed: 20.11.2019).

иракское правительство «оправдать законные ожидания народа и предотвратить дальнейшую гибель людей во время демонстраций и разрушения»²⁷. По сути, в очередной раз сомнению подверглись государственная состоятельность Ирака и способность властей страны справиться с критической ситуацией. Эксперт по Ближнему Востоку Фатих Муслу из турецкого проправительственного Фонда политических, экономических и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA) заключил, что для выполнения требований демонстрантов иракскому руководству необходим долгосрочный план по реформированию и развитию страны, однако в нынешней международно-политической обстановке не стоит ожидать ни снижения иранского влияния на ситуацию в Ираке, ни решения его структурных проблем²⁸.

Опасения турецких политических и академических кругов также касались вопросов безопасности северных провинций Ирака, граничащих с Турцией. По мнению эксперта Центра ближневосточных исследований (Ortadoğu Araştırmalar Merkezi, ORSAM) Серджана Чалышкана, ситуация на иракском севере и без антиправительственных протестов оставалась нестабильной. Особенно высокие риски были в Киркуке — этнически пестром регионе, называемом «малым Ираком», где сталкивались интересы многих внутренних и внешних игроков. По мнению турецкого аналитика, до тех пор, пока и локальные, и международные акторы продолжают наблюдать за дестабилизацией и вакуумом власти в Киркуке, такие группировки, как «ИГ» и РПК, могут вновь набрать силу²⁹. Это означает, что в случае развития событий в таком направлении Турция может вновь оказаться вовлеченной в борьбу с «ИГ», в устранении последствий территориальной экспансии которого Анкара старалась с самого начала помогать Багдаду не только военными, но и невоенными методами.

²⁷ No: 287, 5 Ekim 2019, Irak'ın bazı vilayetlerinde 1 Ekim 2019 tarihinden buyana düzenlenen protesto gösterileri hk. // T.C. Dışişleri Bakanlığı. Available at: http://www.mfa.gov.tr/no_287_-irak-taki-protesto-gosterileri-hk.tr.mfa (accessed: 23.11.2019).

²⁸ Muslu F. Irak'ta neler oluyor? // SETA. 02.11.2019. Available at: <https://www.seta.org/irakta-neler-oluyor-2/> (accessed: 15.11.2019).

²⁹ Çalışkan S. Irak'taki protesto gösterilerinin Kerkük'e olası etkileri // ORSAM. 30.10.2019. Available at: <https://orsam.org.tr/iraktaki-protesto-gosterilerinin-kerkuke-olasi-etkileri/> (accessed: 14.11.2019).

Помощь в целях развития и гуманитарная помощь

Взаимодействие Турции и Ирака по модели «донор–реципиент» ('donor-to-recipient' model) [см., например: Adelman, 2009: 23] в сфере оказания экономической и гуманитарной помощи было налажено задолго до 2014 г. С начала 2000-х годов Ирак входил в двадцатку основных реципиентов турецкой официальной помощи развитию (ОПР). Традиционно отдавая предпочтение двусторонним каналам взаимодействия [Kulaklıka, Nurdun, 2010: 139; Zengin, Korkmaz, 2019: 111], Турция предоставляла ОПР соседнему государству в трех формах: гуманитарная помощь (выделение продовольствия, медикаментов и создание палаточных лагерей); развитие жизненно важных производственных секторов экономики (например, сельского хозяйства); финансирование проектов в области инфраструктуры и строительства [см. подробнее: Murphy, Sazak, 2012: 8]. В общей сложности до провозглашения «ИГ», в 2003–2013 гг., Турция выделила Ираку 317,55 млн долл. (рис. 1). Самые крупные объемы помощи были при этом предоставлены в 2007–2009 гг. — период активизации политических и деловых отношений Турецкой Республики с иракскими центральными властями и Региональным правительством Курдистана и запуска новых инициатив в рамках трехстороннего сотрудничества [см., например: Свистунова, 2013: 39].

Рис. 1. Официальная турецкая помощь развитию Ирака, 2003–2018 гг. (млн долл., в текущих ценах)

Источник: QWIDS // OECD. Available at: <https://stats.oecd.org/qwids/> (accessed: 25.11.2019).

В год начала экспансии «ИГ» турецкая ОПР Ираку достигла 39,02 млн долл. Однако дестабилизация обстановки в соседнем государстве кардинально изменила логику политики Турции в области

содействия его развитию. Уже в следующем году объемы турецкой ОПР снизились почти в 8 раз (!), составив лишь 5,69 млн долл. В 2016–2017 гг. наблюдалось незначительное увеличение показателей, тем не менее объемы помощи не только не вернулись к уровню 2014 г., но и в 2018 г., несмотря на начало этапа постконфликтного восстановления, продолжили снижаться (см. рис. 1).

Данные об объемах ОПР в целях развития Ирака указывали на то, что за годы войны с «ИГ» и даже после ее окончания эта форма поддержки перестала быть приоритетной для Турции. Однако полного отказа от нее не произошло: Анкара продолжила выделять небольшие суммы соседней стране на реализацию точечных проектов.

Почти не претерпели изменений и направления деятельности, на которые выделялась турецкая ОПР: она осуществлялась в тех же формах, что и в период 2003–2013 гг.

К первой категории относилась гуманитарная помощь. Ее роль в условиях сложной военно-политической обстановки в Ираке после начала войны с «ИГ» возросла. В 2014 г. объемы помощи достигали 27,15 млн долл., что составило почти 3/4 всей турецкой ОПР, однако в 2015 г. снизились почти до нуля (рис. 2) и оставались на этом уровне в последующие годы.

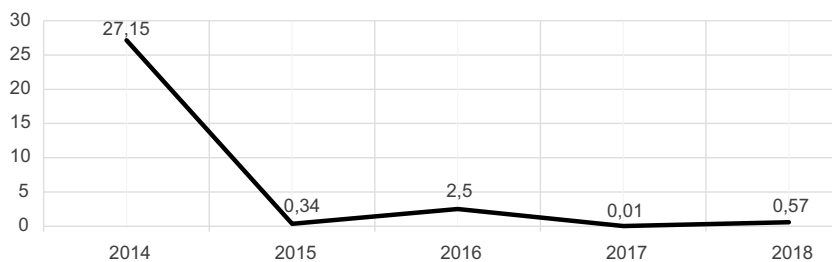

Рис. 2. Турецкая гуманитарная помощь Ираку, 2014–2018 гг. (млн долл.)

Источник: QWIDS // OECD. Available at: <https://stats.oecd.org/qwids/> (accessed: 25.11.2019).

Основными реципиентами гуманитарной помощи Анкары стали беженцы. Около 143 тыс. иракских граждан нашли убежище в Турецкой Республике, где местами их размещения стали лагеря на юге-востоке страны — в Газиантепе и Мардине. Еще больше иракцев получали турецкую гуманитарную помощь на территории самого

Ирака. При содействии Управления по стихийным бедствиям и чрезвычайным ситуациям Турции (İçişleri Bakanlığı Afet ve Acil Durum Yönetimi Başkanlığı, AFAD), Управления по делам религии (Diyanet) и «Турецкого Красного полумесяца» (Türk Kızılay), а также неправительственных организаций (НПО), например Фонда защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (İnsan Hak ve Hürriyetleri ve İnsani Yardım Vakfı, İHH), пункты временного размещения для внутренне перемещенных лиц появились в Багдаде, Мосуле, Киркуке, Фаллудже, Бабиле, Неджефе, Кербале и ряде других районов. Там беженцам оказывали продовольственную и медицинскую помощь, раздавали предметы первой необходимости, бытовую технику и т.п.

Получателями турецкой гуманитарной помощи были представители различных этнических и конфессиональных групп, но основными ее бенефициарами стали иракские туркоманы. Летом 2014 г. в результате захвата Мосула 5 тыс. туркоманских семей были вынуждены покинуть свои дома, похожая участь ожидала 120 тыс. туркоманов из города Тель-Афара³⁰. Многие из них поселились в лагерях временного размещения на юге Ираке, а также на территории Турции. При содействии объединения «Фронт иракских туркоманов» пострадавшие от «ИГ» туркоманы смогли регулярно получать турецкую помощь³¹. Находившиеся на территории Турции НПО — Фонд сотрудничества и культуры «Тюркменэли», Ассоциация культуры и солидарности иракских тюрков, Ассоциация братства и культуры туркоманов Ирака, Общество ближневосточных бизнесменов, Культурный центр «Тюркменэли» и целый ряд других объединений — периодически инициировали кампании по оказанию помощи иракским туркоманам и внутренне перемещенным лицам³². При поддержке этих НПО турецкие общественные и государственные организации сумели предоставить помощь туркоманским общинам в Багдаде, Мосуле, Киркуке, Фаллудже, Бабиле, Неджефе, Кербале.

После 2014 г. Турция финансировала также проекты в области инфраструктуры и строительства. Новые программы Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordi-

³⁰ Gökler F.Y. IŞİD operasyonları sonrası Irak'ta insani durum, Türkmenler ve Türkiye'nin Irak'a yaptığı insani yardımlar. ORSAM Bölgesel Gelişmeler Değerlendirmesi. No. 13. Ekim. Ankara: Ortadoğu Stratejik Araştırmalar Merkezi — ORSAM, 2014. S. 3–4.

³¹ TİKA Annual Report — 2017. Ankara: Turkish Cooperation and Coordination Agency, 2018. P. 94.

³² Gökler F.Y. Op. cit. S. 9.

nasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA)³³ были направлены главным образом на восстановление городов, в том числе тех, в которых проживали и туркоманы. В 2017 г. сразу после освобождения иракскими войсками Тель-Афара от «ИГ» Турция стала активно реконструировать этот город. Были отстроены новые дома, здания общественного назначения и дороги, возобновлено электро- и водоснабжение. При поддержке ТİКА было модернизировано одно из зданий Университета Тель-Афара³⁴. Переоборудование и ремонт учебных заведений в Мосуле, Киркуке, Эрбиле, Туз-Хумату, обеспечение обучающихся школьными принадлежностями стали обычными акциями в деятельности ТİКА, которые осуществлялись на регулярной основе.

Дополнительным стимулом к активизации усилий на данном направлении стали провозглашение победы над «ИГ» и проведение 12–14 февраля 2018 г. в столице Кувейта при поддержке Организации Объединенных Наций, Всемирного банка и Европейского союза крупной международной конференции по восстановлению Ирака. Турция стала абсолютным рекордсменом по объему взятых на себя обязательств. Возглавивший турецкую делегацию министр иностранных дел М. Чавушоглу и представители ТİКА и Министерства экономики заявили о готовности открыть для Ирака линию льготных кредитов и инвестиций на общую сумму 5 млрд долл., что во много раз превышало объемы, обозначенные «традиционными» донорами (всего на конференции были озвучены обязательства на предоставление 30 млрд долл. из запрошенных иракским правительством 88,7 млрд долл.)³⁵. Турецкая сторона также заявила о выделении дополнительных 50 млн долл. на реализацию гуманитарных проектов и программ помощи развитию³⁶.

Новые проекты и программы Турции были направлены в том числе на реконструкцию объектов общественного назначения. Масштабные восстановительные работы были начаты в Мосуле. Наибо-

³³ Также известное как Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию.

³⁴ TİKA Annual Report — 2018. Ankara: Turkish Cooperation and Coordination Agency, 2019. P. 46.

³⁵ Sattar O. Conference for Iraq draws investors instead of donors // Al-Monitor. 23.02.2018. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/02/kuwait-iraq-reconstruction-investment.html> (accessed: 18.11.2019).

³⁶ Irak, ülkenin yeniden inşası için 88 milyar dolar istiyor. Hangi ülke ne kadar yardım teklif etti? // BBC Türkçe. 14.02.2018. Available at: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-43057224> (accessed: 22.10.2019).

лее значимым проектом стало строительство в 2018 г. крупнейшей в регионе клинической больницы для людей с онкологическими заболеваниями, способной принять одновременно до 3,5 тыс. пациентов³⁷. В сентябре 2019 г. ТІКА объявило о реконструкции моста через реку Тигр. Строительство важного инфраструктурного объекта облегчило бы торговое сообщение Турции с Мосулом и ускорило бы возвращение людей в регион³⁸. Одновременно с этим Турецкая Республика занялась реконструкцией объектов культурно-исторического наследия. В 2018 г. по личному поручению президента Р.Т. Эрдогана началось восстановление крытого рынка «Кайсери» в Киркуке, пострадавшего в результате крупного пожара. Этот объект османского наследия — не обычный центр торговли, а одно из самых важных достояний города с точки зрения его исторической, социальной, политической и экономической значимости³⁹. В том же году ТІКА приступило к реконструкции памятников культурного наследия, имеющих большое значение для исламского мира. Были начаты работы по восстановлению гробницы шейха Абдул-Кадира Гилани и комплекса мечети Аль-Адамия на территории мавзолея имама Абу-Ханифа в Багдаде⁴⁰. Реализация такого рода проектов была нацелена главным образом на формирование в глазах иракской и мировой общественности благоприятного имиджа Турецкой Республики.

Возобновлению политического диалога и сотрудничества с иракскими властями в среднесрочной и долгосрочной перспективе служили также инициативы Анкары по оказанию технической помощи соседнему государству. В годы войны с «ИГ» Турция реализовала проекты по обучению и подготовке иракских специалистов разного профиля. Например, дипломатов из Ирака регулярно приглашали к участию в масштабном проекте «Международная образовательная программа для молодых дипломатов» («Uluslararası Genç Diplomatlar

³⁷ Türkiye Kalkınma Yardımları Raporu — 2018. Ankara: TİKA, 2019. S. 51.

³⁸ См.: Turkey provides infrastructure support to Iraq // TİKA. 2019. Available at: https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_provides_infrastructure_support_to_iraq-53474 (accessed: 24.08.2019).

³⁹ Duman B. What does the Kayseri Bazaar burned in Kirkuk mean? // ORSAM. 03.12.2018. Available at: <https://orsam.org.tr/en/what-does-the-kayseri-bazaar-burned-in-kirkuk-mean/> (accessed: 17.09.2019).

⁴⁰ TİKA Annual Report — 2018. Ankara: Turkish Cooperation and Coordination Agency, 2019. P. 75, 83.

Eğitim Programı»⁴¹). Совет Турции по научно-техническим исследованиям (Türkiye Bilimsel ve Teknolojik Araştırma Kurumu, TÜBİTAK) ежегодно предоставлял стипендии и гранты иракским студентам, выпускникам и молодым ученым. По инициативе ТІКА различные министерства и ведомства Турции оказывали техническую поддержку иракским специалистам в области здравоохранения, науки и образования, маркетинга, аудита, сельского хозяйства и животноводства, теле- и радиовещания.

С началом процесса постконфликтного восстановления подобные проекты продолжились. Например, в августе 2019 г. сотрудники Министерства торговли и планирования Ирака имели возможность пройти обучение по специально подготовленной для них программе «Модель государственно-частного партнерства» («Kamu Özel İşbirliği Modeli») и познакомиться с опытом турецких государственных учреждений и представителей частного сектора в данной сфере⁴². Перспективы расширения сотрудничества с Ираком появились и в тех областях, которые ранее не включались в программы технической поддержки. В частности, речь шла об обучении иракской полиции. Глава Полицейской академии Турции Йылмаз Чолак в феврале 2018 г. в интервью турецкому информационному агентству «Anadolu Ajansı» поделился планами о включении Ирака⁴³ в программы подготовки сотрудников органов правопорядка⁴⁴. Однако реализовать этот проект Анкаре своими силами не удалось. В октябре того же года стало известно об участии Турции в тренировочной миссии НАТО в Ираке⁴⁵. Турецкие инструкторы оказались задействованы в Военной школе по управлению и логистике города Таджи⁴⁶.

⁴¹ Программа существует с 1992 г., и на сегодняшний день в ней приняли участие более 1200 специалистов из 135 стран.

⁴² TİKA Kamu Özel İşbirliği tecrübesini Irakla paylaşıyor // TİKA. Available at: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/turkiye_kamu_ozel_isbirligi_tecrubesini_irakla_paylasiyor-53090 (accessed: 25.10.2019).

⁴³ Наравне с Ираком планировалось включение и Сомали.

⁴⁴ Polisliği Türkiye’de öğreniyorlar // Anadolu Ajansı. 15.02.2018. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/pg/foto-galeri/polisligi-turkiyede-ogreniyorlar/0> (accessed: 20.11.2019).

⁴⁵ Миссия НАТО численностью 500 человек (NATO Mission Iraq, NMI) была развернута в Багдаде в октябре 2018 г. Основными ее целями были объявлены тренировка иракской армии и сил безопасности, а также укрепление потенциала военных учебных заведений Ирака.

⁴⁶ Çetin Ş., Asgarlı A. Турция — ключевой партнер НАТО в Ираке // Anadolu Ajansı. 08.11.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/турция-ключевой-партнер-нато-в-ираке-1639221> (accessed: 24.11.2019).

Наконец, особое значение в постконфликтных условиях приобрело взаимодействие Анкары с Багдадом в области развития жизненно важных производственных секторов экономики. При этом в Ираке, как и в ряде других стран, Турция делала акцент не только на предоставлении средств на льготной основе, но и на прямых иностранных инвестициях [Naşimi, 2014: 135; Ozkan, 2018: 568].

Для многих турецких предпринимателей процесс постконфликтного восстановления означал возникновение условий для возвращения на «иракскую площадку». Президент Ассоциации подрядчиков Турции Митхат Йенигюн через некоторое время после конференции в Кувейте выразил надежду на то, что фирмы смогут как минимум удвоить объем своего бизнеса в Ираке. По его мнению, для этого было жизненно важно решить вопросы обеспечения стабильности и безопасности в стране⁴⁷. Похожей позиции придерживался и вице-президент Центра международных отношений и стратегических исследований (TURKSAM) Сердар Эрдурмаз: «Для нас важна стабильность Ирака и Сирии. Это очень важно для нашей экономики. <...> Предоставление такого кредита [5 млрд долл. — А.А.] укрепит отношения Турции с центральным правительством Ирака. Это также облегчит ликвидацию представляющего огромную угрозу “Исламского государства” <...>. Наличие в Ираке сильного центрального правительства будет одним из основных позитивных последствий для Турции»⁴⁸.

Традиционным объектом интереса со стороны турецких инвесторов выступал строительный сектор. После объявления иракскими руководителями победы над террористами ожидалось, что в рамках реконструкции страны турецкие фирмы-подрядчики примутся за реализацию проектов по строительству трубопроводов, инфраструктуры для очистки и доставки питьевой воды, жилых домов, военных объектов, зданий социально-культурного значения, административных и медицинских учреждений, линий электропередачи, электростанций, хранилищ, промышленных предприятий, нефтехимических заводов, систем ирригации, аэропортов, дорог,

⁴⁷ Gokce H. Irak’a kredi inşaatçıları heyecanlandırdı // Dünya. 09.03.2018. Available at: <https://www.dunya.com/is-dunyasi/iraka-kredi-insaatcilari-heyecanlandirdi-haberi-406463> (accessed: 19.07.2019).

⁴⁸ Sudagezer E. Türkiye, Irak’a neden 5 milyar dolarlık kredi sağlayacak? // Sputnik. 16.02.2018. Available at: <https://tr.sputniknews.com/columnists/201802161032270244-turkiye-irak-insa-kredi-abd-ab-korfez-suudi-arabistan-ikby-musul-ekonomi-etkileri-gorus/> (accessed: 22.07.2019).

туннелей, мостов⁴⁹. Анкара объявила о своих планах инвестировать средства в строительство контрольно-пропускного пункта «Овакёй», автомагистрали и железной дороги Овакёй–Багдад, а также в реновацию аэропортных комплексов в Мосуле и Басре⁵⁰. В том, что именно строительная отрасль станет доминировать при восстановлении Ирака, не сомневался и бывший программный директор ПРООН, турецкий экономист Барту Сорал: «Единственная причина [предоставления кредита в 5 млрд долл. — А.А.] — открыть [доступ] для “закупорившегося” в Турции строительного сектора, потому что именно в него вложено очень много акций. Более того, это единственный сектор экономики, который за 14 лет правления Партии справедливости и развития показал устойчивый рост. И теперь он “стоит”. Они [турецкие власти и бизнес] прибегают к такой мере, чтобы оживить этот сектор»⁵¹. Для полуразрушенного Ирака Турция гипотетически могла стать идеальным партнером на годы вперед.

В январе 2019 г. Р.Т. Эрдоган сообщил о намерении увеличить объем двусторонней торговли с Ираком до 20 млрд долл. «У нас есть силы сделать это. Турецкий частный сектор имеет все возможности, чтобы внести свой вклад в восстановление иракской экономики», — заявил глава Турецкой Республики. Он также объявил об ускорении работы по выделению обещанного кредита в 5 млрд долл.⁵² Однако в феврале глава МИД Турции М. Чавушоглу заявил, что эта сумма будет предоставлена турецким компаниям и только турецкие резиденты смогут воспользоваться этими средствами для осуществления инвестиций и финансирования проектов в Ираке⁵³.

⁴⁹ Gökçe H. Irak’a kredi inşaatçıları heyecanlandırdı // Dünya. 09.03.2018. Available at: <https://www.dunya.com/is-dunyasi/iraka-kredi-insaatcilari-heyecanlandirdi-haberi-406463> (accessed: 23.07.2019).

⁵⁰ Tümer D.Ö. Irak’ta dev projeler Türkleri bekliyor // Milliyet. 03.05.2019. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/didem-ozel-tumer/irak-ta-dev-projeler-turkleri-bekliyor-2867637> (accessed: 23.07.2019).

⁵¹ Sudagezer E. Türkiye, Irak’a neden 5 milyar dolarlık kredi sağlayacak? // Sputnik. 16.02.2018. Available at: <https://tr.sputniknews.com/columnists/201802161032270244-turkiye-irak-insa-kredi-abd-ab-korfez-suudi-arabistan-ikby-musul-ekonomi-etkileri-gorus/> (accessed: 22.07.2019).

⁵² Our policy toward Iraq is based on preserving Iraq’s political unity and territorial integrity // Presidency of the Republic of Turkey. 03.01.2019. Available at: <https://www.tcgb.gov.tr/en/news/542/100408/-our-policy-toward-iraq-is-based-on-preserving-iraq-s-political-unity-and-territorial-integrity-> (accessed: 23.08.2019).

⁵³ Turkey initiates coordination activities for Iraq’s reconstruction // Daily Sabah. 04.02.2019. Available at: <https://www.dailysabah.com/business/2019/02/04/turkey-initiates-coordination-activities-for-iraqs-reconstruction> (accessed: 20.07.2019).

В Багдаде с таким условием выделения помощи согласились. В апреле 2019 г. министр иностранных дел Ирака Мухаммад аль-Хакем призвал Турцию активировать пятимиллиардный заем, обещанный на конференции в Кувейте, а турецкие компании — инвестировать в реконструкцию освобожденных территорий, в первую очередь в их инфраструктуру, для возвращения семей, покинувших свои дома⁵⁴. В конце апреля в Багдаде на встрече Ассоциации подрядчиков Турции и Федерации подрядчиков Ирака в рамках «Турецко-иракского форума по восстановлению Ирака» представители деловых кругов во главе с турецким послом Фатихом Ыылдызом подтвердили намерение руководства своей страны предоставить обещанную на кувейтской конференции сумму и инвестировать в восстановление иракской государственности⁵⁵. По итогам встречи стороны подписали Меморандум о взаимопонимании, соглашение о сотрудничестве и ряд контрактов. Все они были направлены на привлечение турецких инвестиций в иракскую экономику. «В Ираке установлена безопасность. Мы ждем турецких подрядчиков и компании для восстановления нашей страны», — объявил на встрече министр торговли Ирака Мохаммед аль-Ани⁵⁶. В Багдаде и Эрбиле понимали, что отсутствие реальных гарантий безопасности и стабильности не будет способствовать деловому сотрудничеству с Анкарой, поэтому сохранение устойчивых связей по военной линии и турецкое военное присутствие на севере страны становились в некотором смысле залогом реализации и коммерческих интересов Турции.

* * *

Провозглашение халифата боевиками «ИГ» летом 2014 г. стало важным рубежом в политике Турции в отношении Ирака. В этот тяжелый период Анкара продемонстрировала готовность содействовать стабилизации обстановки в соседней стране, используя самый широкий арсенал инструментов — как военных, так и невоенных.

⁵⁴ Lee J. Iraq call on Turkish companies to assist construction // Iraq-Business News. 30.04.2019. Available at: <https://www.iraq-businessnews.com/2019/04/30/iraq-call-on-turkish-companies-to-assist-reconstruction/> (accessed: 08.08.2019).

⁵⁵ Karaalp H. Bağdat'ta Türkiye-Irak İnşaat Forumu düzenlendi // Anadolu Ajansı. 25.04.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/bagdatta-turkiye-irak-insaat-forumu-duzenlendi-/1462634> (accessed: 17.07.2019).

⁵⁶ Irak'ı Türkler imar edecek // Memurlar.net. 26.04.2019. Available at: <https://www.memurlar.net/haber/825938/> (accessed: 16.07.2019).

При этом в обоих компонентах Турция открыто заявляла о своих национальных интересах и необходимости их защищать.

В военной сфере действительно масштабные проекты Турции по обучению противостоящих «ИГ» сил подкреплялись серьезным расширением военного присутствия в Ираке. Это было обусловлено тем, что иракская стратегия Турецкой Республики последних лет была тесно связана с вооруженным противостоянием не только и даже не столько с «ИГ», сколько с ее давним, «традиционным» противником — РПК. Однако оказание такой помощи и усиление присутствия Турции на иракской территории были сопряжены с большими рисками из-за восприятия таких действий как покушения на суверенитет Ирака.

Что касается невоенной помощи Багдаду, то Анкара также играла достаточно амбивалентную роль. С одной стороны, она использовала все основные виды помощи (гуманитарную, техническую, проектно-программное финансирование), с другой — объемы ее были не слишком велики. При этом Турция стремилась реализовывать проекты, которые были направлены в первую очередь на содействие культурно близким туркоманским общинам. Более того, понимая, что Ирак — богатое государство, Турция, как и ряд западных доноров, таких как США, не готова была заниматься благотворительностью в крупных объемах и свое участие в восстановлении этой страны видела в оказании поддержки на возмездной основе и в «связанной форме», т.е. с привлечением в качестве подрядчиков именно турецких компаний, а также посредством поощрения частных инвестиций.

Тем не менее многие эксперты указывают на то, что провозглашенную иракским руководством в конце 2017 г. победу над «ИГ» вряд ли стоит считать окончательной и что возрождения данной террористической организации в Сирии и Ираке — в случае внутренней дестабилизации и внешних потрясений — исключить нельзя⁵⁷. Угроза скатывания по-прежнему «хрупкого» государства в хаос до сих пор велика. События двух последних лет свидетельствуют о том, что без решения внутренних проблем в иракском обществе помощь Турции, как и любого другого донора, будет подвергаться постоянным рискам.

⁵⁷ Например: Averting an ISIS resurgence in Iraq and Syria. Middle East Report No. 207. 11.10.2019. Brussels: International Crisis Group, 2019.

В настоящий момент Министерство иностранных дел Турецкой Республики указывает на значимость для Анкары восстановления прочной стабильности и безопасности в Ираке⁵⁸. Нет никаких сомнений в том, что Турция будет продолжать уделять первоочередное внимание именно военно-стратегическим компонентам своей иракской политики. В какой степени она будет готова рассматривать инвестиции в постконфликтное восстановление в первую очередь не с точки зрения извлечения потенциальных экономических выгод, а в качестве долговременного вклада в обеспечение безопасности и стабильности Ирака, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 669–683. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-669-683.
2. Ахмедов В.М. Турецкий выбор // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 2 (8). С. 214–220.
3. Бартев В.И. Помощь «хрупким государствам» сквозь призму риск-менеджмента: в лабиринте объяснительных гипотез // Международные процессы. 2018. № 4. С. 20–41.
4. Вертяев К.В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 361–374.
5. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: история и современность. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Вершинина Н.В. Курдская проблема в современной Турции // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2016. № 8 (229). Вып. 38. С. 190–194.
7. Восстановление Ирака после победы над «Исламским государством»: перспективы международного участия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 2. С. 145–192.
8. Гаджиев А.Г. Сирийский кризис и политика Турции в миграционном вопросе // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 149–158.
9. Иванов С.М. Активизация курдского фактора в региональной геополитике // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 84–93.

⁵⁸ Relations between Turkey and Iraq // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/reasons-between-turkey-and-iraq.en.mfa> (accessed: 11.10.2019).

10. Иванова И.И. Турция на Ближнем Востоке: концепции реагирования на вызовы региональных акторов // *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015. № 9. С. 393–402.
11. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Аспект-Пресс, 2017.
12. Кудряшова Ю.С. О росте значения курдского фактора в условиях меняющегося Ближнего Востока // *Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД России*. 2014. № 2 (8). С. 94–105.
13. Кудряшова Ю.С. Региональная безопасность Турции в контексте курдской проблемы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10). С. 30–37.
14. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. Т. 7. № 1. С. 66–96.
15. Румачик И.А., Сучков М.А. Эволюция отношений Турции и ИГИЛ // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 1 (54). С. 55–60.
16. Свистунова И.А. Турецко-иракские отношения в условиях региональной нестабильности // *Проблемы национальной стратегии*. 2013. № 6 (21). С. 38–54.
17. Свистунова И.А. Турция и проблема борьбы с «Исламским государством» // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 8. С. 24–29.
18. Фролов А.В. Турция–Сирия: метаморфозы ближневосточной политики // *Путь к миру и безопасности*. 2015. № 1 (48). С. 119–132.
19. Adelman C. Global philanthropy and remittances: Reinventing foreign aid // *The Brown Journal of World Affairs*. 2009. Vol. 15. No. 2. P. 23–33.
20. Akın Ünver H. Turkey's Kurdish question. Discourse and politics since 1990. New York: Routledge, 2015.
21. Akyener O., Kayael B. Northern Iraq & Turkey: From the view of energy politics // *Energy Policy Turkey*. 2016. Iss. 1. P. 76–88.
22. Altunışık M.B. Turkey's security culture and policy towards Iraq // *Perceptions*. 2007. Vol. 12. No. 1. P. 69–88.
23. Charountaki M. Turkish foreign policy and the Kurdistan Regional Government // *Perceptions*. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 185–208.
24. Erkmen S. İç etkenler açısından Türkiye'nin Kuzey Irak politikasının dönüşümü // *Bilig*. 2015. Kış. No. 72. S. 171–196.
25. Gözkaman A. The Iraqi conundrum: A source of insecurity for Turkey? // *Debating security in Turkey. Challenges and changes in the twenty-first century* / Ed. by E. Canan-Sokullu. Lanham: Lexington Books, 2013. P. 157–172.
26. Haşimi C. Turkey's humanitarian diplomacy and development cooperation // *Insight Turkey*. 2014. Vol. 16. No. 1. P. 127–145.
27. Holland-McCowan J. War of shadows: How Turkey's conflict with the PKK shapes the Syrian civil war and Iraqi Kurdistan. London: ICSR, 2017.

28. Kulaklıkaya M., Nurdun R. Turkey as a new player in development cooperation // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 131–145.

29. Mansour R. Rebuilding the Iraqi state: Stabilisation, governance, and reconciliation. Policy Department, Directorate-General for External Policies. 2018. DOI: 10.2861/715290.

30. Mizrak B. Türkiye'nin son dönemde Irak ülkesinde yapmış olduğu müdahalelerin hukuki meşruiyeti // *Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi*. 2017. Eylül. Cilt 5. Sayı 2. S. 107–127. DOI: 10.14782/sbd.2017.68.

31. Murphy T., Sazak O. Turkey's civilian capacity in post-conflict reconstruction. Istanbul: Istanbul Policy Center — Sabancı University, 2012.

32. Özgen C. Türkiye'nin denizaşiri askeri üs kurma girişimleri: tespitler ve geleceğe yönelik öneriler // *Güvenlik Bilimleri Dergisi*. 2019. Kasım. Cilt 8. Sayı 2. S. 381–408.

33. Ozkan M. Turkey in South-South cooperation: New foreign policy approach in Africa // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 3. С. 565–578. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-565-578.

34. Zengin H., Korkmaz A. Determinants of Turkey's foreign aid behavior // *New Perspectives on Turkey*. 2019. No. 60. P. 109–135. DOI: 10.1017/npt.2019.1.

A.I. Aliyeva

TURKEY'S ASSISTANCE TO IRAQ AFTER 2014: KEY DETERMINANTS AND COMPONENTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the 2010s amid the destabilization of the region and the outbreak of new armed conflicts the influence of the Republic of Turkey in the Arab world has significantly increased. The proclamation of the Islamic State in the neighbouring countries in the sphere of Turkey's interest — Syria and Iraq — became a kind of watershed. And whereas Ankara's strategy in Syria has received substantial attention of researchers, its policy towards Iraq which included both military and non-military measures remains understudied. The paper aims to uncover the logic behind Turkey's assistance to Iraq to counter territorial expansion of the Islamic State and to remedy the negative impact of its presence. The paper is divided into two sections. The first section focuses on the military-political interaction between the Republic of Turkey and Iraq after 2014. The second examines specifics of the Turkish non-military assistance to its neighbour. The author stresses that Ankara's military support to Baghdad in the fight against 'ISIS' included expansion of the Turkish troops' presence in Iraq and escalation of tensions

with the Kurdistan Workers' Party. That has, in turn, led to the growing tension between Turkey and Iraq. As for the civilian assistance, Turkey has focused on its humanitarian dimension implementing relatively small projects — mainly in the areas populated by the Iraqi Turkomans. After declaring victory over the Islamic State, Ankara did not rush to increase the level of its grant assistance that remained relatively low. At the same time Turkey sought to create, particularly through tied loans, advantageous conditions to attract Turkish construction companies to the reconstruction of destroyed infrastructure in Iraq. Thus, the paper shows that during this internationalized internal conflict, as well as after its formal end, Turkey has tended to prioritize its national interests, aiming to strengthen its strategic and economic presence in the neighbouring country through a combination of military and non-military measures. However, a recent destabilization of the situation in Iraq poses new challenges to the Ankara's strategy towards Iraq and highlights the need for further monitoring of the development of Turkish-Iraqi relations.

Keywords: Turkey, Iraq, the Islamic State, ISIS, counter-terrorism, international development assistance, foreign aid, humanitarian aid, post-conflict reconstruction, military assistance, security assistance, state-building, Turkomans.

About the author: *Altunay I. Aliyeva* — Junior Research Fellow, Expert of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: altunay.i.aliyeva@gmail.com).

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project 17-37-01018-OGN.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. 2017. Osobennosti bor'by s terrorizmom v Turetskoy Respublike na sovremennom etape [Features of the fight against terrorism in the Republic of Turkey at the present stage]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 17, no. 4, pp. 669–683. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-669-683. (In Russ.)
2. Akhmedov V.M. 2019. Turetskiy vybor [Turkey's choice]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 2 (8), pp. 214–220. (In Russ.)
3. Bartenev V.I. 2018. Pomoshch 'khrupkim gosudarstvam' skvoz' prizmu risk-menedzhmenta: v labirinte ob'yasnitel'nykh gipotez [Aiding 'fragile states' through the lens of risk-management: Labyrinth of explanatory hypotheses]. *International Trends*, vol. 16, no. 4 (55), pp. 20–41. (In Russ.)
4. Vertyaev K.V. 2015. Spetsifika kurdsikogo natsional'nogo dvizheniya i ego sovremennaya aktualizatsiya v Turtsii i Sirii [Specific features of the Kurdish

national movement and its upsurge in Turkey and Syria]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*, no. 9, pp. 361–374. (In Russ.)

5. Vertyaev K.V., Ivanov S.M. 2015. *Kurdskiy natsionalizm: istoriya i sovremennost'* [Kurdish nationalism: History and modernity]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

6. Vershinina N.V. 2016. Kurdsкая проблема в современной Turtsii [Kurdish issue in modern Turkey]. *Nauchnyye vedomosti. Istoriya. Politologiya*, no. 8 (229), iss. 38, pp. 190–194. (In Russ.)

7. Vosstanovleniye Iraka posle pobedy nad 'Islamskim gosudarstvom': perspektivy mezhdunarodnogo uchastiya [Reconstructing Iraq after the victory over the Islamic State: Prospects for international engagement]. 2018. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 10, no. 2, pp. 145–192. (In Russ.)

8. Gadzhiev A.G. 2017. Siroyskiy krizis i politika Turtsii v migratsionnom voprose [Syrian crisis and Turkish migration policy]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 5, pp. 149–158. (In Russ.)

9. Ivanov S.M. 2015. Aktivizatsiya kurdsogo faktora v regional'noy geopolitike [Rise of the Kurdish factor in regional geopolitics]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 84–93. (In Russ.)

10. Ivanova I.I. 2015. Turtsiya na Blizhnem Vostoke: kontseptsii reagirovaniya na vyzovy regional'nykh aktorov [Turkey in the Middle East: The concept of response to challenges from the regional actors]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*, no. 9, pp. 393–402. (In Russ.)

11. Ivanova I.I. 2017. *Evolyutsiya blizhnevostochnoi politiki Turetskoy Respubliki (1923–2016)* [The evolution of the Middle East policy of the Republic of Turkey (1923–2016)]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)

12. Kudryashova Yu.S. 2014. O roste znacheniya kurdsogo faktora v usloviyakh menyayushchegosya Blizhnego Vostoka [The increasing importance of Kurdish factor in the context of current changes in the Middle East]. *Yezhegodnik IMI MGIMO (U) MID Rossii*, no. 2 (8), pp. 94–105. (In Russ.)

13. Kudryashova Yu.S. 2010. Regional'naya bezopasnost' Turtsii v kontekste kurdsogo problemy [Regional security of Turkey in the context of the Kurd problem]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1 (10), pp. 30–37. (In Russ.)

14. Naumkin V.V. 2015. Gluboko razdelennyye obshchestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konfliktnost', nasiliye, vneshneye vmeshatel'stvo [Deeply divided societies in the Middle East: Conflict, violence, and foreign intervention]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 7, no. 1, pp. 66–96. (In Russ.)

15. Rumachik I.A., Suchkov M.A. 2018. Evolyutsiya otnoshenii Turtsii i IGIL [The evolution of relations between Turkey and ISIS]. *Kaspiyskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 1 (54), pp. 55–60. (In Russ.)

16. Svistunova I.A. 2013. Turetsko-irakskiyeh otnosheniya v usloviyakh regional'noy nestabil'nosti [Turkish-Iraqi relations in conditions of regional instability]. *Problemy natsional'noy strategii*, no. 6 (21), pp. 38–54. (In Russ.)

17. Svistunova I.A. 2015. Turtsiya i problema bor'by s 'Islamskim gosudarstvom' [Turkey and struggle against Islamic State (IS)]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 8, pp. 24–29. (In Russ.)

18. Frolov A.V. 2015. Turtsiya–Siriya: metamorfozy blizhnevostochnoy politiki [Turkey–Syria: Metamorphoses of Middle Eastern politics]. *Put' k miru i bezopasnosti*, no. 1 (48), pp. 119–132. (In Russ.)
19. Adelman C. 2009. Global philanthropy and remittances: Reinventing foreign aid. *The Brown Journal of World Affairs*, vol. 15, no. 2, pp. 23–33.
20. Akın Ünver H. 2015. *Turkey's Kurdish question. Discourse and politics since 1990*. New York, Routledge.
21. Akyener O., Kayael B. 2016. Northern Iraq & Turkey: From the view of energy politics. *Energy Policy Turkey*, iss. 1, pp. 76–88.
22. Altunışık M.B. 2007. Turkey's security culture and policy towards Iraq. *Perceptions*, vol. 12, no. 1, pp. 69–88.
23. Charountaki M. 2012. Turkish foreign policy and the Kurdistan Regional Government. *Perceptions*, vol. 27, no. 4, pp. 185–208.
24. Erkmen S. 2015. Ich etkenler achysyndan Tyurkiye'nin Kuzey Yrak politikasynyn donyushumy [The transformation of Turkey's Northern Iraq policy in the context of Turkish internal policy]. *Bilig*, no. 72, pp. 171–196. (In Turkish.)
25. Gözkaman A. The Iraqi conundrum: A source of insecurity for Turkey? In Canan-Sokullu E. (ed.). 2013. *Debating security in Turkey. Challenges and changes in the twenty-first century*. Lanham, Lexington Books, pp. 157–172.
26. Haşimi C. 2014. Turkey's humanitarian diplomacy and development cooperation. *Insight Turkey*, vol. 16, no. 1, pp. 127–145.
27. Holland-McCowan J. 2017. *War of shadows: How Turkey's conflict with the PKK shapes the Syrian civil war and Iraqi Kurdistan*. London, ICSR.
28. Kulaklıkaya M., Nurdun R. 2010. Turkey as a new player in development cooperation. *Insight Turkey*, vol. 12, no. 4, pp. 131–145.
29. Mansour R. 2018. *Rebuilding the Iraqi state: Stabilisation, governance, and reconciliation*. Policy Department, Directorate-General for External Policies. DOI: 10.2861/715290 (paper).
30. Mizrak B. 2017. Tyurkiye'nin son donemde Yrak ulkesinde yapmış oldughu myudahalelerin hukuki meshruiyeti [The legal infrastructure of Turkish interventions on Iraqi soil in the last period]. *Marmara Universitesi Siyasal Bilimler Dergisi*, September, vol. 5, no. 2, pp. 107–127. DOI: 10.14782/sbd.2017.68. (In Turkish.)
31. Murphy T., Sazak O. 2012. *Turkey's civilian capacity in post-conflict reconstruction*. Istanbul, Istanbul Policy Center — Sabancı University.
32. Özgen C. 2019. Tyurkiye'nin denizashyry askeri us kurma girishimleri: tespitler ve gelecekge yonelik oneriler [Turkey's initiatives to establish overseas military bases: Determinations and suggestions for the future]. *Gyuvellik Bilimleri Dergisi*, vol. 8, no. 2, pp. 381–408. (In Turkish.)
33. Ozkan M. 2018. Turkey in South-South cooperation: New foreign policy approach in Africa. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 18, no. 3, pp. 565–578. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-565-578.
34. Zengin H., Korkmaz A. 2019. Determinants of Turkey's foreign aid behavior. *New Perspectives on Turkey*, no. 60, pp. 109–135. DOI: 10.1017/npt.2019.1.